

Идея устойчивого развития лишь декларировалась в концепции развития производительных сил Иркутской области 1997 г., принципы и механизмы устойчивого развития не были адаптированы к особенностям хозяйства области.

Общий недостаток концепций регионального развития переходного периода (1990-х гг.) — недостаточное внимание к институциональным преобразованиям, взаимосвязанному совершенствованию производственной и организационной структур экономики.

В заключение отметим главный результат региональной политики России в переходный к рынку период — признание необходимости сильной региональной экономической политики. Основным принцип новой региональной экономической политики — сочетание объективно необходимой регионализации экономических реформ и производственной реинтеграции российской экономики в рамках единого экономического пространства.

В.А. ШАЛАМОВ

ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ НЭПА (на материалах Иркутской области и Красноярского края)

Продовольственное обеспечение в течение всей истории человечества было одной из самых важных черт борьбы за выживание. На человека оказывает существенное влияние полноценное рациональное питание, которое является важнейшей составляющей здорового образа жизни. Историки, особенно в последние годы, в связи с развитием в России истории повседневности стали все чаще обращаться к проблемам питания и голода во все исторические периоды. На этом поприще особенно отличились такие известные исследователи как В.В. Кондрашин, Н.А. Ивницкий, В.А. Ацюковский, Е.А. Осокина, В.С. Познанский, Л.Е. Мариненко и др. Появление новых работ по данной тематике, а также введение в оборот новых источников ставят вопрос о переосмыслении этой проблемы.

Прежде всего, нужно акцентировать внимание на особенностях сельского населения Ангаро-Енисейского региона. Это население было по преимуществу крестьянским, а это значит, что занятие сельским хозяйством для них — средство к жизни. Иными словами, крестьянское хозяйство было ориентировано на собственное обеспечение, а потом уже шли заготовки на рынок, если, конечно, не возникали условия принуждения.

Известный исследователь Сибири И.И. Серебренников, работавший с Всероссийской сельскохозяйственной переписью 1916 г., писал, что «Сибирь могла бы прокормить себя своим хлебом, но в действительности значительные излишки хлебных продуктов имеются только в Западной Сибири и Енисейской губернии. Вся же остальная Сибирь не может довольствоваться своим хлебом и ввозит его со сторон» (*Сереб-*

ренников И.И. *Сибиреведение. Харбин: [б.и.], 1920. С. 140*). Маломощные хозяйства могли обеспечить себя только в урожайный год. В случае неурожая, семьям крестьян грозил голод.

Значительное влияние на ведение крестьянского хозяйства во все времена оказывало налогообложение. В годы 1-й Мировой и Гражданской войн на сельское население России упала основная тяжесть налогового бремени. Сельскохозяйственные продукты изымались в зачет продразверстки, а с 1921 г. — продналога. При этом в таком низкоурожайном регионе как Сибирь продналог был увеличен до 20% от валового сбора урожая, в то время как остальные части страны выплачивали только 12% (*История Сибири / под ред. А.П. Окладникова. Л.: Наука, 1968. Т. 4. С. 78*). Насильно изымалось не только излишки, но и фуражное, и семенное зерно, а также продовольственный фонд многих семей. Следствием этого стал голод в некоторых районах Западной Сибири и Алтая (*Познанский В.С. Социальные катаклизмы в Сибири: голод и эпидемии в 20–30-е гг. XX в. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2007. С. 142–186*). Сибирь стала донором для России, в которой из-за в корне неверной налоговой политики сельское хозяйство было в разрухе, что привело к проблеме голода.

Итогом подобной политики стало серьезное сокращение посевной площади, местами доходившее до 35–60% в зависимости от региона. Крестьянство перестало делать поставки продовольствия на рынок. Этот большой социальный конгломерат замкнулся на самом себе. Не желая отдавать хлеб бесплатно, крестьяне сократили земельные площади до минимума, только чтобы хватало на личное потребление. Таким образом, село вновь было вынуждено вернуться к натуральным отношениям. Этому же способствовал товарный голод или так называемые «ножницы цен».

Изменения в питании происходят после голода 1922–1923 гг. В это время вновь активизируется рынок, чему в немалой степени способствовала денежная реформа и введение червонного обращения. Сразу же после оживления рынка следует изменение в структуре питания. Данные об этом были почерпнуты из обследования питания городского и сельского населения, проводившиеся в 1924–1928 г. по всему Сибирскому краю.

Подсчитано, что люди умственного труда и те, у кого сидячая работа, расходуют в день в среднем 3 000 ккал; в покое — 2 400 ккал; лица, занятые тяжелым физическим трудом — 4 500–5 000 ккал, а в некоторых случаях до 9 000 ккал. В среднем человеку в сутки необходимо 3 000–3 600 ккал (*Доброва Е.В. Считаем калории. Владимир: ВКТ, 2008. С. 5*).

Взятые из материалов обследования питания сибирского населения за 1925–1926 хозяйственный год данные были составлены на основе выборочного обследования хозяйств всех регионов Сибири (*Рязановский Ф.И. Состояние питания населения Сибирского края в 1925–1926 гг. // Сибирский бюллетень. 1927. № 7–8. С. 22–168*). Статистические данные утверждали, что после сбора урожая в ноябре 1925 г. не во всех регионах

дела шли ровно. Если в Красноярском округе с питанием все обстояло благополучно (в среднем 3 351 ккал на человека в сутки), то в Иркутской губернии все слои населения испытывали проблему с провиантом (на человека приходилось в среднем 2 656 ккал). В Канском округе, как и по всему Сибирскому краю, наблюдалась одна и та же тенденция: в многопосевных и среднепосевных хозяйствах потребляли продуктов питания несколько выше, что отчасти объясняется необходимостью тяжелой физической работы на поле. Остальные группы сельского населения до нормы не дотягивали, и вероятнее всего периодически голодовали.

По материалам обследования питания сибирского населения за февраль 1926 г. выходит, что к этому времени сокращают свой рацион представители всех беспосевных и малопосевных хозяйств, а также большинство среднепосевных хозяйств. Полноценное питание наблюдается только в многопосевных хозяйствах. Конечно же, здесь сказывается нехватка продовольствия к концу зимнего периода.

Полученное соответствие говорит о том, что, несмотря на большую протяженность Сибири, сельские жители везде питались примерно по одним и тем же нормам. Аномалий в нормах питания не встречается. Нет намека на питание, превышающее норму 3 600 ккал в сутки. Причиной этому служил все тот же рынок. Стремясь заработать средства на уплату налогов, покупку промышленных товаров, расширение хозяйства сельчане старались экономить на всем, в том числе и на продуктах питания.

Рассмотрим основные компоненты питания сельского населения Иркутской области и Красноярского края в 1920-е гг. Тезисно на основе статистики и исследований можно выделить следующие группы продовольствия:

1. Львиную долю килокалорий средний крестьянин получал за счет употребления хлеба. Обследование 1925–1926 г. называет в качестве средней цифры 2,2 фунта (0,9 кг) в день на душу, что примерно на 25% больше чем в городе. Соотношение ржаного и пшеничного хлебов примерно одинаковое, с некоторым преобладанием пшеничного (*Там же. С. 56*).

2. Второе место на столе сибиряка занимал картофель, который по сообщению В.Н. Шерстобоева стали культивировать в регионе еще с 1766 г. Картофель составляет 70–75% из всех потребляемых овощей, как по общей массе, так и по калорийности. Картофель являлся обычным блюдом на столе крестьянина, хотя в дневном рационе он использовался незначительно, менее 200 грамм (*Шерстобоев В.Н. Илимская пашня. Иркутск: Иркутская областная типография № 1, 2001. Т. 2. С. 186*).

3. Второе место в питании из овощей занимает капуста. Она малоценна в питательном смысле, но содержит растительную клетчатку и при отсутствии фруктов и бедности овощного пайка заменяет их. Ежедневно в среднем потреблялось 50–100 грамм на человека.

4. Остальные овощи, в том числе соленые и свежие огурцы, редька, редис, морковь, лук, чеснок, свекла имели незначительное влияние на рацион сибиряка. Естественно, они служили как источник необходимых витаминов и минералов, но в питательном отношении ничего особенного не представляли. Обследование 1925–1926 г. отмечает сезонность употребления корнеплодов, когда к весне крестьяне употребляют их в 2,5 раза меньше, чем осенью.

5. Молоко не было важной составляющей стола сибиряка. При наличии 1–2 малоудойных коров на большую крестьянскую семью молока приходилось немного. Данные статистики говорят, что на человека в день приходилось чуть больше 100 грамм молочных продуктов.

6. Мясо употреблялось редко и около 200 дней в дневном пайке отсутствовало, поэтому суточная норма едва достигала 50–60 грамм. Мясо ели в Рождество, Пасху, заговенья, осенью при забое скота и птицы.

7. Рыба в меню крестьянских семей хотя и входила, но составляла незначительное дополнение, несмотря на наличие таких мощных водоемов как Байкал, Енисей, Лена и Ангара. Вероятно, статистика слабо учитывала хозяйства, расположенные в бассейнах рек и озер.

8. Жиры были растительного (конопляное, кедровое, подсолнечное и рыжиковое масла) и животного происхождения (масло топленое, масло коровье, сало свиное, говяжье и баранье). Последние преобладали, поскольку растительное масло требовало значительных трудовых затрат.

9. Для сибиряков было характерно потребление большого количества чая и сахара. В Сибири чая расходовалось в год на душу населения на 250% больше, чем в европейской части России, а сахара — на 130% (*Киреев К. Товарное потребление в Сибири. Новониколаевск: Типография Губсовнархоза № 1, 1922. С. 11–12*).

10. Следует отметить отдельно, что статистика не учитывает целый ряд продуктов, которые так или иначе крестьяне использовали в питании: грибы, орехи, семечки, ягоды, сухофрукты, квас, пиво, вино, хлебное вино, самогон. Таким образом, нужно признать некоторый недоучет данных питания сельского населения.

Тем не менее, общая структура питания населения вполне ясна. В отличие от современного состояния питания наблюдается преобладание растительной пищи, прежде всего, хлеба и овощей. Практически совершенно отсутствуют богатые витаминами фрукты, а мяса, рыбы и молока потребляется недостаточно. Другими словами питание крестьян в 1920-е гг. было несбалансированным. Даже минимальный набор продуктов питания, который заложен в федеральном законе от 24 октября 1997 г. № 134 «О прожиточном минимуме в Российской Федерации» предполагает сбалансированное питание, подогнанное под необходимые человеку 3 600 ккал (*Янович М. Минимум в потребительской кор-*

зине // *Российская газета*. 2010. 2 февр. С. 3). Кроме того, для крестьян в приеме пищи в течение дня не было строгого режима. Ели смотря по досугу и работе. Питание было бессистемно и неэкономно. Они неумело организовывали хозяйство, в результате чего продукты неравномерно распределялись в течение года, месяца и недели. Однако это можно воспринять как приспособление, поскольку многие крестьяне получали дополнительные средства за счет подсобных промыслов, а следовательно экономить не было смысла. В это время религиозное влияние также воздействовало на структуру питания.

О.Н. ШУЛБАЕВ

РАБОТА МТС ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ ПО МЕХАНИЗАЦИИ ТРУДА В ЖИВОТНОВОДСТВЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1950-х гг.

Как известно, Совет Министров СССР и ЦК ВКП (б) 18 апреля 1949 г. приняли «Трехлетний план развития общественного колхозного и совхозного продуктивного животноводства (1949–1951 гг.)», в котором было указано, что центральным вопросом в развитии сельского хозяйства страны встала задача всемерного развития животноводства (*Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам*. Т. 3. М., 1958, С. 42).

В связи с этим повсеместно развернулась разносторонняя организаторская и хозяйственная работа по выполнению решения советского правительства.

Особое внимание при решении этих задач отводилось деятельности МТС. Так, в газете «Советская Хакасия» от 14 февраля 1950 г. в этом контексте были даны следующие комментарии. «Главная роль в механизации трудоемких процессов на животноводческих фермах принадлежит МТС. К сожалению, руководители МТС недостаточно занимаются этим вопросом. В каждой МТС введена должность начальника машинно-сенокосной станции, старшего механика по механизации животноводства. Выделены новые машины (сенокосилки, грабли, силосорезки, доильные аппараты и т.д.). Но эта техника внедряется в практику очень слабо (*За полную механизацию животноводческих ферм // Советская Хакасия*. 1950. 14 февр. С. 3).

Особенно, сложная ситуация возникла в ходе выполнения МТС планов по сенокосу и силосованию. Так, в МТС Красноярского края в 1950 г. план сенокоса выполнили только на 62,7%, а силосования на 19,5%. При этом такие работы как сгребание и стогование сена, МТС почти не производили (*О состоянии и мерах по выполнению трехлетнего*